

АНТОНИЙ,
митрополит Минский и Белорусский

БЛАЖЕННЫЙ АВГУСТИН КАК КАТЕХИЗАТОР

С IV века тяга к христианству всё усиливается. В Церковь приходят люди разных сословий и разного культурного уровня: знать и рабы, люди, стоявшие «в просвещении с веком наравне», и полуграмотные простецы. За малым исключением, люди эти знают о христианстве очень мало, а то и вовсе ничего. Церковь в лице своих священников, позже диаконов, берет на себя обязанность ознакомить этих людей со Священным Писанием, христианскими догматами и христианской нравственностью. Обучение велось устно; учеников «оглашали»; от греческого слова *κατηχέω* («обучать с голоса», «оглашать»), они назывались «катехуменами» (наше — «оглашенные»). Никакого определенного метода в деле обучения не было: всё зависело от педагогического такта и умения учителя. Пестрый состав аудитории и частая многочисленность ее еще более затрудняли дело преподавания, особенно, если сам преподаватель не обладал большим опытом. Испытывая такие затруднения, скромный карфагенский диакон Деогратий обратился в 400 году к Блаженному Августину, уже знаменитому богослову и учителю Церкви, с просьбой наставить его в деле обучения людей, которые приходят креститься, но о христианской вере еще ничего не знают.

Августин ответил небольшим трактатом «*De rudibus catechizandis*» («Об обучении оглашаемых»).

Книжечке этой принадлежит одно из почтеннейших мест в мировой педагогической литературе: для своего времени она была неслыханной новостью, настоящим педагогическим откровением. И для наших дней советы африканского епископа не утратили своей силы и значения; их неумирающая ценность — в умных и высоких требованиях, предъявленных и к учителю, и ко всему стилю преподавания, которое обязательно должно соединяться с нравственным воспитанием.

Уже это было новостью. Римская школа воспитанием не занималась: это дело семьи. Именно она, опираясь на семейные традиции и на авторитет старших — отца, матери, родственников, вырабатывала в юноше характер и внушала те чувства и мысли, которым надлежало

стать руководством и опорой всей жизни. В семье учили жертвовать своими интересами ради государства, отдавать свою жизнь за свободу и честь родной страны, чтить ее законы, беречь достоинство и честь своей семьи и своего рода. Об этом воспитании рассказывает Цицерон, а по словам Плиния Младшего, и в I веке в империи оно было таким же, по крайней мере, в италийских провинциальных (в нашем смысле) семьях того круга, который имел в виду Плиний.

Школа — ни средняя «грамматическая», ни высшая «риторская» — в это семейное воспитание не вмешивалась и о нравственном образовании своего питомца не беспокоилась; ее цель — обеспечить ему успех в жизни, сделать его мастером слова, который всегда сумеет убедить в том, в чем сейчас выгодно убеждать. Квинтилиан мог твердить вслед за стоиками, что только хороший человек может быть хорошим оратором, но и сам он не задумывался о том, как воспитать этого «хорошего человека», и школа этой задачи себе вовсе не ставила ни в I веке, когда писал Квинтилиан, ни в IV веке, когда писал Августин. Ее занимало другое: показать ученику, «как искать в этом мире успеха и совершенствоваться в красноречии, которым выслуживают людской почет и обманчивое богатство»¹. Школа выводила, говоря словами Августина, на «белую дорогу» житейского преуспевания; о том, чтобы снабдить в эту дорогу своих учеников запасом твердых нравственных правил, она и не думала.

На этом фоне учительная деятельность Церкви — Блаженный Августин выступал как ее представитель и от ее лица — вырисовывается особенно ярко. Катехизатор должен не просто ознакомить новичка с неведомой ему верой; он должен заложить в его душе элементы христианской этики, начать формирование христианской души — обучение вере и воспитание в духе этой веры неотделимы одно от другого. Все преподавание надо вести с одной целью — внушить ученику, что есть две краеугольные заповеди: любовь к Богу и к ближнему; к этим заповедям «надо обращать и на них устремлять взор того, кого мы наставляем нашими словами» (3, 4). «Что бы ты ни рассказывал, рассказывай так, чтобы твой слушатель, слушая, уверовал; уверовав, стал надеяться; надеясь, полюбил» (5, 11). Знакомя ученика с событиями ветхозаветной и новозаветной истории, «надо указывать причину и смысл всего, о чем мы рассказываем: это поможет свести весь рассказ к главной цели — к любви, от нее нельзя отводить глаз, что бы ты ни делал, что бы ни говорил» (7, 1).

Мало указать слушателю содержание его новой жизни и путь к ней; надо избавить его от тех преткновений, которые чаще всего встречаются на этом пути: остеречь от ересей (2, 1), от общества, какого следует избегать (8, 3), рассказать о бесчеловечии мирских развлечений (21), рассеять разочарование в христианской общине, в которой так много дурных людей: «не следует думать, что диавол останется победителем, потому что он привлек к себе многих: его победят немногие» (24, 11).

Как же вести преподавание, чтобы весь этот пестрый материал — не только новый, но и совершенно чуждый человеку, выросшему в понятиях и настроениях языческой религии, — сразу не отпугнул его, не оказался «соблазном и безумием»?

Августин дает катехизатору ряд советов и указаний самых разнообразных, но проникнутых одним духом. Учитель должен быть внимателен и заботлив по отношению к ученику; он устанавливает с ним простые дружеские отношения, неотрывно следит за тем, как тот усваивает новый для него материал, учитывает особенности его умственного и духовного склада, больше всего боится его оскорбить и задеть.

¹ Блаж. Августин. Исповедь, I, 9, 14. Далее в тексте указываются в скобках глава и стих этого сочинения. — *Ред.*

Во всем надо проявить заботу о нем и начать с элементарно простого: усадить ученика, чтобы ему спокойно и удобно было слушать учителя. Требование это, для нас такое естественное, само собой разумеющееся, вовлекало Августина в своего рода «идеологическую борьбу» с Африканской Церковью, в которой укоренился обычай, требовавший, чтобы миряне перед лицами духовного звания стояли. Августин резко протестовал: «Можно ли терпеть наше чванство: взрослым людям, братьям нашим, и тем, кого сделать себе братьями должно быть главной нашей заботой, мы не позволяем перед нами сидеть, а ведь Самого Господа нашего, Которому прислуживают ангелы, женщина слушала сидя» (16, 4). Пусть катехизатор, заговорив, следит за впечатлением от своих слов: если слушателя они никак не волнуют, то надо испробовать всё, «что сможет его разбудить и словно выгнать из норы... страх, мешающий обнаружить свое суждение, прогнать ласковым уговором; умерить застенчивость, твердя о братском общении; задавая вопросы, поискать, что непонятно, и внушить уверенность, что слушатель может свободно возражать, если ему это покажется необходимым... поступать надо в соответствии с его ответом: говорить проще и яснее... на том, что известно, не задерживаться... если слушатель очень туп, надо милосердно потерпеть его... и втолковывать самое необходимое: о единстве веры, об искушениях, о христианском образе жизни. Такому человеку надо не столько говорить о Боге, сколько Богу о нем» (15, 2—4).

Из событий Ветхого и Нового Заветов следует сделать умелую выборку; надо пробудить у слушателя интерес, нельзя перегружать и утомлять память. И цель каждого урока, истинный смысл его в том, чтобы внушать ученику, воспитывать в нем «любовь от чистого сердца, добрую совесть и веру нелицемерную» (3, 2—3); это «как бы та золотая нить, на которую нанизаны в один ряд драгоценные камни» (7, 13). Не переутомляй ученика; заметив, что он «раскрывает рот не для одобрительных слов, а для зевка... дадим отдохнуть его душе, приправим наши слова веселой шуткой, пристойной и подходящей для нашей темы, расскажем о чем-нибудь удивительном и потрясающем, а главное, поговорим о нем самом, чтобы он встрепенулся, уязвленный этой заботой о нем лично...» (16, 2).

Античная школа не очень считалась с особенностями и индивидуальными наклонностями ученика. Учителю, правда, вменялось в заслугу следить, к чему ученик более склонен — к истории, к поэзии или к изучению права, и какая речь — сжатая и строгая или изысканная и всячески изукрашенная — ему больше удается, но всё обучение шло одинаково по одному плану: все писали работы на одни и те же темы, читали и разбирали одних и тех же авторов. Учитель риторской школы обращался к юношам приблизительно одинакового возраста и одинакового образовательного уровня: все его ученики пришли к нему из школы грамматики.

Положение катехизатора гораздо труднее: он имел дело со взрослыми людьми (в IV веке еще не было в обычае крестить в детском возрасте) разной культуры и разных общественных слоев; к нему приходили крестьяне, часто с трудом справлявшиеся с латинской речью, и люди философски образованные.

Блаженный Августин строил свое преподавание по-разному, в зависимости от того, был ли слушатель ученым человеком или невеждой, гражданином или чужестранцем, богачом или бедняком (20, 4). Он оставил в назидание Деогратию образцовый урок для простого карфагенского горожанина (очень интересный для характеристики людей этого слоя и состояния Африканской Церкви того времени) (21, 37), и выделил особо еще два случая: когда креститься приходят не простецы, а люди высокой культуры, «с умом, изощренным размышлениями о высо-

ком» (10, 1), или окончившие риторскую школу. Относительно первых он говорит, что «такие люди обычно еще до того, как стать христианами, тщательно до всего допытываются». Не надо, чтобы «он выслушивал от тебя как от учителя то, что ему известно» (9, 1—2). С ним надо повести «тихую скромную беседу»: расспросить, почему он захотел стать христианином, узнать, какие книги он читал, объяснить вред еретических сочинений (катехизатор, видимо, должен быть хорошо осведомлен и в православной, и в еретической литературе) и вообще предостеречь от соблазнов мысли и слишком большого доверия к разуму: бес- сильный проникнуть в сокровенное, он может уклониться от истины к ее подобию (9, 6—7). Несмотря на эту оговорку, человек, в результате своих размышлений о высоком пришедший «в круг Христова народа», внушал Августину уважение.

Совсем иным чувством проникнуты его советы относительно окончивших риторскую школу. Августин сам вышел из этой школы, долгое время преподавал в ней, в значительной степени ей был обязан своим высоким ораторским мастерством и прекрасно понимал, в чем главный ее недостаток: слово не только заслоняло дело, оно подменяло его; от исследования и раздумья уводило к безответственному и бездумному любованью фейерверком красивых фраз. «Словесное изобилие уподобляется достоверной и неопровержимой цепи доказательств», — жаловался Минуций Феликс, один из первых христианских апологетов. Преклонение перед словом надо было преодолевать: «Я выучил у Тебя, — обращается Августин к Богу, — что красноречивые высказывания не должны казаться истиной, потому что они красноречивы, а нескладные... лживыми, потому что они нескладны» (5, 6, 10). Но риторскую школу современники Августина ценили высоко, и люди, ее окончившие, были проникнуты горделивым сознанием своего превосходства над невежественной толпой, которая не умела говорить правильно. Тут катехизатору предстояла большая работа. «Этим людям, которым кажется, будто они благодаря искусству речи превзошли всех остальных людей... надо внушать и внушать, чтобы они отвыкли смотреть свысока на тех, кто выучился избегать нравственных пороков больше, чем словесных ошибок...» (10, 2). «Самое для них полезное — понять... что словам надо предпочитать мысли... Пусть знают, что единственный голос, который доходит до Божьих ушей, это голос сердечного чувства; и тогда они не будут смеяться над варваризмами и солещизмами, которые они иногда услышат из уст священника: хорошее произношение, имеющее такое значение на форуме, может ничего не значить в церкви» (10, 4—6).

«De rudibus catechizandis» Блаженного Августина послужила руководством, вероятно, многим катехизаторам, но обращался он в этой книге непосредственно к Деогратию, фигура которого сквозь словесную ткань Августинова письма просвечивает довольно ясно. Юноша нервный, впечатлительный, склонный к мистическим созерцаниям, очень самолюбивый, болезненно переживающий свои преподавательские неудачи, часто мнимые и уж всегда преувеличенные, любитель книг и уединения, человек образованный и в тайниках души гордившийся своими знаниями, он был сущим мучеником своей катехизаторской должности, заставлявшей его общаться с людьми, которым надо было втолковывать азбуку христианской веры, воспринимаемую часто с трудом (недаром у Августина неоднократно повторяется, когда он говорит о работе катехизатора, глагол *inculcare* — «вбивать»). Ему хотелось «в длинных и сложных извивах изложить то, что ум слушателя мгновенно поглотит и впитает», а он был вынужден, «спустившись с высот, топтаться вниз и твердить азы» (12, 1). Избытком любви к этим своим подопечным, кос-как воспринимающим азы, он отнюдь не страдал, и Августин показал ему идеал учителя.

Мы мало знаем об учителях античной школы. Краткие биографические заметки Светония не дают материала для характеристики его «славных грамматиков», именно как учителей. Квинтилиан требовал от учителя, чтобы он относился к ученикам как отец, но конкретным содержанием этого требования не наполнил. Блаженный Августин первый подробно остановился на отношении учителя к ученикам — об этом уже шла речь — и первый предъявил к учителю два основных требования: он должен любить свое дело — «нас слушают охотнее, когда мы сами увлекаемся делом обучения: наша радость окрашивает всю речь; нам легче говорить, нас лучше понимают» (2, 12); но чтобы вести преподавание радостно, а не «в тумане скуки», надо, чтобы слова учителя исходили из его уст «от избытка любви» (19, 5). Учитель должен любить своих учеников, «только тогда дело пойдет хорошо, если работник стремится к нему, гонимый любовью» (13, 8). Августин нашел горячие слова для характеристики этой любви. Пусть перед учителем сидят невежды — «приноровимся к этим детям, полюбим их братской, отцовской, материнской любовью, соединим наши сердца с их сердцами — и привычные слова покажутся нам новыми. Такова сила души соперничающей: когда их трогают наши слова, мы, уча их, вселяемся в них, а они, уча в нас: словно они говорят в нас, и сами мы как-то от них учимся тому, чему учим» (14, 1). И образ учителя он закрепляет трогательным сравнением: «Да не оставляет сердца твоего мысль о наездке: она истомлена, но прикрывает своими перьями крохотных цыплят; голос у нее охрип, и все-таки она созывает своих пискунов; если они не спрячутся под ее ласковыми крыльями, они станут добычей хищных птиц» (12, 5); учитель не только сообщает ряд сведений: он защитник и хранитель своих учеников.

Блаженный Августин писал для Деогратия, когда был африканским епископом. Некоторые из его советов имеют смысл и цену только для его времени (IV в.) и его страны, но есть в его книге и такие, сокрушить которые время оказалось бессильным: идеал учителя Блаженный Августин дал на века, для всех стран и всех времен.
